Сущность формаций и представление революции

Арс Либрев 28.05.2026

Мне уже приходилось отвечать на критику концепций, выдвинутых Юрием Семеновым. Приходилось и много говорить о революционном подходе и его несостоятельности. Но вот читая книгу Эдуарда Шульца о теории революции я столкнулся не только с интересным взглядом на явление революции, но и на очередную критику глобального формационного подхода предложенного Семеновым.

Разбор этой критики представляется интересным. Кроме того Шульц оказался сторонником концепции о том, что строй СССР был государственным капитализмом. Поскольку такой взгляд достаточно популярен, имеет смысл разобрать также его, ибо прежде я хоть и касался этого вопроса, но подробно его не рассматривал. Помимо этого, Шульц заявляет, что феодализм вовсе не имел преемственности с рабовладением ни в каком виде — а значит формационная теория в принципе не верна; и также не считает, что производство в нем было более продуктивным, чем при рабовладении, а значит марксисты, говорящие, что там производительные силы были больше, ошибаются. Мне уже высказывали подобные воззрения, что феодализм не продуктивнее рабовладения, после того, как я разобрал концепцию Илюшечкина. Таким образом появился дополнительный повод ответить на это.

У меня нет желания делать полноценную рецензию на книгу, поэтому я разберу только обозначенные несколько вопросов. Однако я все же сделаю некоторые общие замечания относительно иных выводов Шульца. Но начнем мы все же с его критики в адрес формационного подхода.

Говоря о формационном подходе, характерном для марксизма, Шульц указывает, что тот не соответствует историческим данным. Он приводит множество примеров того, что ни одно общество не прошло все стадии, обозначенные формационной концепцией. Догматики после Маркса пытались выйти из положения тем, что общества могут «перепрыгивать» некоторые стадии. Однако выходило, что вся история человечества состоит из таких «перепрыгиваний». А вот случаев, в которых хоть одно общество прошло бы все стадии нет ни одного. По факту переход наблюдается только у некоторых стран от феодализма к капитализму. Нет прямого перехода от рабовладения к феодализму. Феодализм возник в обществах, которые находились на стадии предклассового общества. Во многие же уголки мира, капитализм был привнесен, когда там также не было феодализма, а было либо общество еще на

первобытной стадии, либо на стадии того же предклассового общества, или чего-то вроде того, что некоторые называют вслед за Марксом «азиатским способом производства».

Такие выводы делает Шульц. И тут он в общем-то прав; все сказанное верно. Однако то, что было представлено как формационный подход является лишь одной из его интерпретаций, а именно линейно-стадиальной. В ней каждое общество последовательно проходит все стадии — формации — или может некоторые перепрыгивать. Но если каждое общество перепрыгивает все, а переход от одной формации к иной является исключительным случаем, и к тому же нет вообще ни одного общества, которое прошло все стадии, значит с концепцией что-то не так. Такой линейно-стадиальный подход действительно не соответствует данным исторической науки. Однако он не является единственно возможной интерпретацией формационного подхода как такового.

В интерпретации, предложенной Юрием Семеновым, стадии развития проходит не каждое отдельное общество, а человеческое общество в целом — человечество в целом. Одно общество переходит на стадию палеополитаризма — того, что когда-то как раз называли «азиатским способом производства».

Здесь маленькое отступление — концепция политаризма, включая палеополитаризм, была также выдвинута Юрием Семеновым. В общих чертах с ней можно ознакомиться в его работе о строе СССР. В ее адрес, конечно, звучала критика. На некоторую он ответил. На иную ответил я в заметке о политаризме. Таким образом, вопрос состоятельности этой концепции я сейчас рассматривать не буду.

Продолжая разговор о переходах между формациями; в обществах, перешедших к палеополитаризму происходило дальнейшее развитие производительных сил. Однако действительно нет примеров того, чтобы они сами перешли к рабовладению или феодализму. К рабовладению перешли общества, находившиеся до того на стадии предклассового общества. При этом они заимствовали достижения палеополитарных обществ.

Далее примеров перехода от рабовладения к феодализму также нет. Феодализм возник в обществах, которые до того, также находились на стадиях предклассового общества. При этом происходило заимствование достижений рабовладельческих обществ.

Капитализм же возник непосредственно в феодальных обществах, а в дальнейшем привносился в общества, находившиеся на стадии предклассового общества либо палеополитаризма.

Таким образом в масштабах всего человечества мы действительно наблюдаем переход от одной формации к иной, представляющий собой поступательное развитие. Каждая последующая формация перенимала достижения

предыдущей, в результате чего наблюдалось культурное развитие, включая наиболее явное научно-техническое.

Это и есть глобально-стадиальная концепция, выдвинутая Юрием Семеновым на основе формационного подхода Маркса и теории исторических эстафет, выдвигавшихся иными авторами. Все описанное выше подробно разъяснено и обосновано Юрием Семеновым, например, в книге о происхождении и развитии экономики.

Итак отдельные общества действительно не проходили формационного развития — указывая на это Шульц прав. Я читая его критику, постоянно прокручивал в голове аргументы Семенова. При этом я уже заглядывал в список литературы и видел, что там фигурировала одна из публикаций Юрия Ивановича, в которой он разъяснял глобально-стадиальную концепцию. Это интриговало. Хотя то, что эта была лишь небольшая статья, а книг Семенова с полноценным обоснованием и доказательной базой в списке литературы Шульца не значилось, не предвещало глубокого понимания вопроса или действительно обоснованной критики.

Закончив разбирать аргументы догматиков с линейно-стадиальным пониманием формационного подхода, Шульц, наконец, упоминает глобально-стадиальный подход. Основной аргумент против него в том, что по его пониманию речь идет о сознательном ориентире на более прогрессивные страны менее прогрессивных и заимствовании их достижений на уровне идеологии. Он справедливо замечает, что подобные заимствования для государств того времени не характерны. Однако подобная интерпретация глобально-стадиального подхода, это крайнее искажение. Во-первых, взаимодействие между обществами происходило разным образом — через набеги, торговлю, заимствования достижений культуры и т.д. В таких условиях практики одних обществ неизбежно проникали в иные и часто либо вытесняли там местные, либо сливались с ними. Во-вторых, идеология здесь вообще не причем. Не было никакой необходимости в ее заимствовании. Ибо практики как таковые могли производиться и без какой-то идеологической рефлексии. Кроме того, они привносились не в пустую среду, а в ту, где уже существовали иные практики, и не обязательно они могли их вытеснять. Как уже было сказано, вполне мог происходить синтез. Такой синтез мог обнаруживать большую эффективность, чем простое копирование и замещение, а потому он и закреплялся.

Говоря же о культурном перенятии можно указать на то, что при переходе между формациями от рабовладения к феодализму, бывший варварский мир принял христианство, а оно будучи продуктом как раз античного мира было также и его отрицанием. Эту религию создали рабы, подвергавшиеся за нее

гонениям в Риме, испытывавшим ненависть ко всему римскому — к тамошней языческой вере и тамошним художественным образам.

Важно отметить, что отношения позднего Рима были уже не чисто рабовладельческими, поскольку античная система в своем развитии была тупиковой — этот строй не мог развиваться бесконечно, т.к. возможность экспансии, необходимой для его развития упиралась в определенные пределы. Результатом стала перестройка отношений — возникновение разным образом зависимого крестьянства (колоната). То есть рабовладельческие отношения стали вытесняться, используя классификацию предложенную Семеновым, доминарными и магнарными. Вместе с тем, существенный доход Рим получал в виде дани, которая распределялась между государственными людьми по иерархии. То есть возникли признаки политарных отношений. Доминарные и магнарные отношения были схожи с теми, которые имели место в германских землях уже после падения Рима. А практики их сочетания с политарными отношениями, видимо, и создали условия для возникновения вассалитета, а с ним и перехода к феодализму. В результате синтеза западноримской социально-экономической структуры и германских систем (протодоминарных и протомагнарных и иных) возник новый социально-экономический уклад. Этот процесс занял несколько веков и собственно завершился только к X–XII вв. Этот период вполне можно назвать межформационным, и в том, что он длился столь долго ничего удивительного нет. Переход от первобытности к классовым обществам занял несколько тысячелетий.

Также Шульц заявляет, что глобально-стадиальный подход, якобы не отвечает на вопрос, почему варварские государства, миновали рабовладельческую стадию, если она была передовым строем в том регионе. Вообще-то отвечает — в том-то и дело, что варварские государства плотно взаимодействовали с античным миром и тот, будучи передовым, оказывал на них воздействие способствовавшее сохранению их периферийного положения, а отнюдь не возникновения в их образе конкурентов с тем же передовым строем. Античный строй существовал за счет экспансии на соседние территории с которых захватывались работники — рабы. Такое положение неизбежно обрекало те народы, которые в дальнейшем оказались в феодальном мире не на формирование собственного рабовладельческого мира, а на превращение в источник рабочей силы для такового уже существующего. А это неизбежно вело к деградации. Подобное не могло продолжаться бесконечно, рано или поздно, такое развитие зашло бы в тупик. И это произошло. Этим же объясняется регресс местных обществ в период упадка Римской империи, а он не мог не повлечь снижения производства в период становления феодализма. Который, однако, сумел это преодолеть в дальнейшем.

Важным оказалось и то, что общества германцев, которые составляли значительную часть периферии империи и сыграли существенную роль в ее падении, были не геосоциальными, а демосоциальными. То есть их характеризовала не столько обитаемая территория, сколько народный состав. Если для античных обществ была характерна оседлость и города, то у германцев обычным явлением было кочевничество, их поселения не были жестко привязаны к конкретному месту. Это была принципиально иная структура общества, которая не могла перенять рабовладельческих порядков в том виде, в каком они существовали на территории античного мира. Не стоит забывать и то, что этот регион испытывал влияние не только со стороны античного мира, но и со стороны Восточного. Тот факт, что тамошние отношения не были наиболее передовыми, не означает, что они были обречены вообще не оказать никакого влияния. А кроме того, Шульц ведь сам указывает на то, что идеологические заимствования для того времени не характерны, а значит перенятие строя всецело не могло происходить в тех условиях, могли распространяться лишь те практики, которые способствовали большей продуктивности в общественном производстве. Причем в той форме, в которой это производство уже существовало в обществах, перенимающих эти практики. По факту Шульц, обвиняя формационный подход в схематичности, сам оказался в плену этой схематичности, пытаясь объяснить в рамках простых схем то, что в них не вписывается. У Семенова же теория представляет собой сложную конструкцию, которая в объяснении мировой истории в целом и перехода от рабовладения к феодализму в частности, прибегает к комбинации различных укладов, к взаимоперетеканию их под действием разных факторов, к различным межукладным и межформационным категориям. Семенов применяет подлинно диалектический подход, тогда как Шульц воспринимает его идеи дубово. Для Семенова марксистская теория это гибкий объяснительный аппарат, для Шульца — инструкция по сборке шкафа.

Также по его словам не отвечает глобально-стадиальный подход и на вопрос, почему древневосточные государства не перешли к рабовладельческому и феодальному строю. Опять же, отвечает — палеополитарные общества не имели потенциала для развития своих социальных институтов, их порядки позволяли видоизменяться в определенных пределах. Для древневосточных обществ был характерен циклический характер развития. Эти порядки были выгодны местной правящей верхушке, до тех пор пока не становилось слишком поздно, и социоисторический организм не распадался. Там просто не было условий для господства иных социально-экономических отношений.

Еще припечатать глобально-стадиальный подход Шульц пытается заявлением, что глобализация, это явление новейшего времени (XX–XXI вв.) и к Древнему

миру или Средневековью не может иметь отношения. И я даже не знаю как передать всю абсурдность этой конструкции. При чем здесь вообще глобализация? Семенов, что где-то говорил, что в те времена имела место глобализация? Или сопоставлял процессы, происходившие тогда, с процессами XX–XXI вв.? Может он хотя бы использовал термин «глобализация» для описания перенятия достижений одних древних обществ иными? На все эти вопросы ответ однозначный — нет. Неужели у Шульца настолько проблемы с восприятием, что только увидев слово глобальный, он отождествил это с понятием глобализации? Такое, право, не знаю как комментировать.

Далее Шульц, давая ссылку на ту самую работу Семенова — единственную его работу с изложением его концепции, с которой ознакомился — снова указывает на несостоятельность глобально-стадиального подхода, т.к. формационный подход и в такой интерпретации провозглашает преемственность между формациями, а никакой преемственности между античным строем и феодальным не было. Самое забавное, что всего несколькими строками выше он заявляет, что феодальные общества Средневековой Европы заимствовали культуру античного мира. То есть все-таки перенимали? Что тогда вообще понимается под преемственностью? Шульц указывает, что эта культура стала играть существенную роль только в Новое время. Что развивать культурное наследие античности в Европе стали только в эпоху Возрождения, когда феодализм уже иссякал, а уверенно развивался капитализм. Но это если говорить о художественном и научном наследии. Если же говорить об общественных практиках от которых зависела продуктивность производства, то они возникли именно под влиянием античного мира. Именно античные отношения, привносимые на эту территорию римскими колонистами, стали важным элементов в формировании местного крепостничества с институтами сеньората и вассалитета. Исследователи так и называют этот процесс «романо-германский синтез», указывая, что с одной стороны происходило разложение рабовладения, с иной — деформация отношений предклассового общества, имевшая место у народов в этих землях. То есть когда речь идет о влиянии одной системы на другую или перенятии ее достижений, речь идет не столько про технологические наработки и уж тем более не про художественные приемы, а про общественные отношения. И таковые из романского — рабовладельческого — мира сыграли существенную роль в формировании строя стран Западной Европы. По его словам в средневековье произошел упадок культуры и производства. Причины по которым продуктивность возросла не сразу были кратко объяснены выше.

Утверждение, что выбраться из кризиса Европе удалось лишь когда появились ростки капитализма, с намеком, что феодализм к этому не имел никакого

отношения, не соответствуют действительности. Во-первых, в отношении производства выбралась она из него уже к XII веку, тогда как первые ростки капитализма появились лишь в XIV в. Во-вторых, возможность для их возникновения создал именно феодализм. У античных обществ не было потенциала для такого. Этот строй не мог развиваться дальше. Столкнувшись с кризисом, он не смог из него выйти и был разрушен.

Еще Шульц замечает, что не было плавного и естественного перехода между строями. С чего он решил, что для смены формаций необходима некая плавность непонятно. Семенов обоснованно показал такой переход в своих книгах без всяких ссылок на плавность. Что здесь понимается под «естественным» вообще не понятно. Если соответствие законам исторического развития, то этот переход шел по ним в полной мере, что показано Семеновым совершенно определенно. Но конечно не в его статейке, а в книгах, с которыми Шульц не ознакомился. Таким образом, его возражения совершенно несостоятельны и к концепции Семенова не относятся.

В общем в очередной раз критика концепции Семенова проистекает из простой невнимательности и недостаточной осведомленности о его аргументах.

Как же сам Шульц объясняет мировую историю? Напрямую он этого не говорит. Он кратко пересказывает воззрения цивилизационного подхода. Затем пренебрежительно указывает на его критику, что он также схематичен как и формационный. Имеется намек, что он хочет уйти от схематичности в пользу понимания всей сложности исторического процесса. Замечу, что понимание сложности не означает отсутствия категорий, и таковое дал как раз Семенов, но Шульц с его изложением не знаком. По факту же далее он заявляет, что просто одни цивилизации исчезают, а появляются новые. То есть, излагает тот самый цивилизационный подход.

По этому поводу я уже достаточно говорил в заметке о политаризме. Последовательно проведенный цивилизационный подход неизбежно означает, что в истории человечества нет никакого развития. Нет развития человеческой цивилизации как таковой. Каждое общество возникает и развивается независимо от иных. То есть вся история человечества, это просто круговорот историй отдельных обществ, которые просто повторяются бесконечное количество раз. Если бы цивилизационный подход отражал реальность, то ни одно общество не могло бы внести в историю человечества ничего принципиально нового. Если бы развития не было, то современная культура не включала бы в себя достижений древних обществ, как в отношении науки и техники, так и в отношении искусства. Однако вряд ли кому-то придет в голову утверждать нечто подобное.

Осознавая недостатки этого подхода Шульц пытается от них откреститься. Но в

итоге получается эклектичная картина. С одной стороны он отрицает преемственность, с иной признает влияние одних цивилизаций на иные. Но даже с учетом этого, ни о каком развитии говорить невозможно, если каждая цивилизация все начинает заново, если нет никакой преемственности. Однако он говорит о развитии человеческого общества. Он признает, что западноевропейская цивилизация смогла развиться до капитализма с его научно-техническими и социальными достижениями. Он признает, что при этом использовались достижения предшествующих обществ, того же античного. Но выходит, что у человеческого общества есть магистральный путь развития. А объяснение такового дает именно формационный подход.

Проблема Шульца в том, что с этим подходом в его современном виде он не знаком. Изучение какого-то пересказа концепции Семенова и его поверхностной статейки представления не дало. А эта концепция как раз раскрывает механизм — отношения в классовых обществах, вышедших из предклассового, могут пойти дальше иных классовых обществ, но только если возьмут их достижения. Точнее, если сплав отношений прежнего передового строя и отношений иного сможет стать новым передовым, способным развиваться дальше. А значит каждое новое общество, это не отдельная цивилизация, а часть единого исторического процесса, которая может как стать тупиковой ветвью, так и ступенью в магистральном развитии человечества. Это лишь один сценарий, но именно он позволяет понять сущность второго и третьего межформационных переходов (от палеополитаризма к рабовладению и от рабовладения к феодализму). Первый и четвертый межформационный переход происходил путем внутреннего развития прежних отношений. К палеополитаризму переход произошел от предклассовых обществ с протополитаризмом (а были еще предклассовые общества с протодоминаризмом, протомагнаризмом и протонобиларизмом и различными их сочетаниями). А к капитализму от феодальных обществ. При этом старый строй совершенно не обязательно куда-то исчезает, он вполне может продолжать существовать параллельно с новым передовым. Рабовладение исчезло до феодализма. Но палеополитаризм продолжал существовать, когда появилось рабовладение и когда появился феодализм. Лишь капитализм и то не сразу сумел изжить его из цивилизации.

Пожалуй на этом стоит остановиться, не пересказывать же мне в целом книги Семенова, а это необходимо, чтобы разъяснить подробности.

Как уже было сказано, Шульц является сторонником взгляда, что в СССР был государственный капитализм. Его аргументы — в СССР было тоже промышленное производство, теже товарно-денежные отношения, таже бюрократия в государстве. Но поскольку собственность была государственной,

а не персональной или групповой, это был не тот капитализм, что в иных странах, признаваемых именно капиталистическими, а государственный капитализм.

Одним из ключевых отличий капитализма от иных строев является система найма. Рабочая сила организуется через наемный труд. В капиталистических странах рабочие идут в найм к собственникам бизнеса. В Советском Союзе они также идут в найм, только к государству. Получается, что государство просто выступает собственником. А по сути все тоже самое, значит в Советском Союзе капитализм, только государственный.

Но только ли системой найма характеризуется капитализм. Одним из главных отличий также является наличие рыночной экономики. Именно она организует систему найма в капиталистическом обществе. Экономика СССР же не была рыночной. В ней отсутствовала регулировка цен спросом и предложением. В отдельные периоды эти механизмы проявлялись в отдельных отраслях, но не всецело. Она осуществлялась бюрократическими методами. Полностью отсутствовал рынок капитала, а для рыночной экономики, и соответственно для капитализма, это ключевая составляющая. Таким образом можно уверенно сказать, что капиталистической советская система не была. Кроме того, если бы в СССР был капитализм, пусть и немного иной, то это имело бы определенные следствия, которых не было, что показано в статье Сергея Ермолаева. Таким образом и здесь Шульц ошибся.

Возвращаясь к вопросу продуктивности феодализма по сравнению с рабовладением, как уже было сказано, Шульц считает, что при нем производство было ниже. И мне же писали некоторые, что феодализм вовсе не был продуктивнее рабовладения. Так ли это?

Если брать период раннего феодализма, примерно до X–XII вв., то действительно сложно найти основания говорить о высокой продуктивности этого строя. Однако в период с X в. все начинает меняться. Разрастаются города и распространяются ремесла, ввиду чего Европа постепенно становится уже не импортером, а экспортером продукции. А это само по себе говорит о существенном возрастании производимых продуктов. И это было обеспечено не столько техническим развитием, поскольку те инструменты и методы, которые при этом применялись, были известны и в Древнем мире, а за счет особых общественных отношений. Вернее именно эти отношения — феодальные — и создали условия для широкого внедрения этих приемов, чего не обеспечивало рабовладение, палеополитаризм или отношения в предклассовых обществах. Разумеется, чтобы эти отношения обеспечили такое развитие им самим необходимо было развиться и закрепиться. Именно это и происходило в период до X–XII вв. После же возникли условия уже для

появления еще более совершенного вида общественных отношений.
Проблема Шульца в том, что он рассматривает каждую формацию как нечто цельное и неделимое во времени. Однако и капитализм представлял из себя разные системы в разные периоды своего существования. Первые мануфактуры не внесли какого-то существенного вклада в увеличение производительности в Европе. Однако, это не значит, что отношения, которые они породили не были капиталистическими. Так и феодализм был неодинаковым на протяжении своей истории. И разумеется феодализм возник не одномоментно после гибели античного мира, потребовался длительный период перехода от тех отношений, что были там в предклассовых обществах и достались в наследство от Античности. Также как развитые рабовладельческие отношения не одномоментно возникли на территории Средиземноморья. И тем не менее именно наличие там пережитков таких отношений, сделало возможным отношения феодальные.
В общем представления о большей продуктивности феодализма по сравнению с рабовладением верны, и представления Шульца и иных критиков не соответствуют действительности.
Имеет смысл кое-что сказать по поводу иных мыслей, продвигаемых Шульцом. В частности он считает, что идеи первичны по отношению к социальному бытию. По его представлению, миром правят не законы исторического развития, практика и экономика, а идеи. В качестве доказательств он, как и обычно в таких случаях, ссылается на опыт тех же революций — вот революционеры прониклись идеей лучшего мира и претворили их на практике. И нисколько его не смущает, что ничего они как раз не претворили. Революционеры хотели построить общество без эксплуатации и отчуждения. А вышла очередная система угнетения. Тот же Юрий Семенов, это показал в своей работе о Советском Союзе, на которую давалась ссылка выше. Таким образом опыт революций, в частности революции в России 1917 года, как раз стал яркой демонстрацией того, что законы истории и практика не особо считаются с чьими-то там идеями, что материальные условия определяют жизнь в гораздо большей мере, нежели чьи-то желания, и действия субъектов всегда происходят только в тех рамках, которые им определяет действительность.
Шульц говорит, что также как верно утверждение о том, что бытие определяет сознание также верно и обратное. Что именно желание улучшить условия жизни является двигателем общественных преобразований. Но ведь это желание обусловлено именно материальными потребностями. Именно потребности порождают желания. Плохие условия порождают желание улучшения. А потребности, это не психологические сущности, а вполне себе

объективно-реальные. Когда только возникло производство в первобытном обществе оно было обусловлено необходимостью удовлетворять потребности в пище, тепле, крове — без удовлетворения их, без еды, одежды, орудий — человек не мог выжить. Психология как раз была инструментом, через который реализовывался механизм выживания, с помощью чувств и желаний. В дальнейшем, по мере развития этого явления, начали возникать потребности не связанные непосредственно с биологическими. Однако во-первых, это не значит, что исходный источник не был материальным. Во-вторых, новые желания и потребности были обусловлены условиями жизни в обществе с определенными отношениями. А эти отношения существовали независимо от сознания конкретного человека. Они были объективны по отношению к нему. Потому говорить о первичности психологии также не уместно. Таким образом, выступая как внешние условия они являются основанием для стремления к преобразованию. Впрочем я зашел уже слишком далеко. Все это подробно также раскрыто в книгах Семенова, не буду углубляться.

Шульц замечает, что примеры революций демонстрируют вторичность экономики по отношению к психологии. Ибо люди перестраивают систему в соответствии с идеями, и в результате этого и меняется экономика. То что это не так уже было показано выше. Но самое забавное то, что до этого он пишет, что все экономические преобразования результат не революции, что революции не повлияли на изменение экономики. Здесь он не просто сам себе противоречит, ошибочными являются оба противоречащих друг другу утверждения. Ибо заявление о том, что революции не влияли на экономику также невозможно воспринимать всерьез.

Революции решали вопросы ликвидации пережитков докапиталистических укладов. Именно через них создавались возможности для удовлетворения экономических потребностей до того непривилегированных классов. Попытки Шульца обосновать обратное путем поиска корреляций между революциями и технологическими рывками, а также подъемом экономики выглядят нелепо. Спекуляции относительно того, что царская Россия якобы могла бы также развиться как Советский Союз не имеют оснований. Тенденции, которые она демонстрировала не позволяют сделать таких выводов. И никакие ссылки на Грегори — применявшего сомнительные приемы расчетов, завышающих показатели, восхвалявшего инвестиции, но игнорирующего прибыли и роль вывоза капитала в бедственном положении простых людей, а также социальную ситуацию — Шульцу не помогут.

Неуместным является и его отождествление идеологий революции с религиями. Откуда такое представление взялось в отношении марксизма понятно. В Советском Союзе, это учение будучи примитивизированным и искаженным

действительно было превращено в догму, в которую требовалось верить. Такое отношение характерно для религии. В этом псевдомарксизме были свои святые, свои догматы и еще многие атрибуты, которые свойственны религиям. Но ведь это все внешность. У религии есть основное свойство, которое отличает ее от иных идеологий. И это свойство — вера и упование на сверхъестественные силы. В советской идеологии никаких сверхъестественных сил не было. Попытки выдать за такие законы развития общества невозможно воспринимать всерьез. Тогда уж любые законы природы можно объявить «сверхъестественными» и первейшей религией станет физика. Ну а вся внешняя атрибутика не меняет сущностных отличий. Советскую идеологию можно назвать квазирелигиозной, но не более. Это допустимо, как метафора, но никак иначе. То же самое касается всех учений, которые так или иначе вдохновляли и продвигали революции.

Хотелось бы сказать несколько слов о самой теории революции Шульца. Он приходит к выводу, что революции — это силовой переворот власти, приводящий к смене социального устройства общества. Приходит он к нему, главным образом на основании анализа самой истории развития понятия революции, того, что под этим понималось в разные эпохи. Он указывает, что революции, это явления нового и новейшего времени. Представления марксистов о том, что смена формаций осуществляется через революции, не соответствует действительности. Так как социальная революция может носить иные формы, как переход от первобытного общества к античности или феодализму не имел ничего общего с революциями нового и новейшего времени, приведших к утверждению капитализма или строя советского типа. А значит вероятно и не нужна для перехода к следующему способу производства. Их попытки разделить понятия социальной революции и политической, по его представлениям несостоятельны. В представлении, что социальная революция, это просто смена социально-экономического строя, термин «революция» полностью рвет с тем как развивалось само понятие революции в общественных науках. А политическая революция становится буквально синонимом обычного захвата власти, и с ней можно отождествить любой переворот. Сам термин революция, попав в общественные науки изначально обозначал такую смену власти, которая приводит к изменению общественного уклада. Попытки марксистов использовать это понятие для описания процессов трансформации предклассовых обществ в классовые, выглядят крайне сомнительно.

Нужно заметить, что анализ самого понятия революции он проводит вполне корректно — на протяжении всего его развития. Однако если сузить это понятие до переворотов, приводящих к перестройке отношений, то ставятся

под вопрос и такие термины как аграрная революция, промышленная революция, научно-техническая революция. Если же данные термины принимаются как допустимые, то и термин социальная революция, в значении смены общественно-экономических формаций, имеет место. При этом не важно как именно она происходит. Таким образом, то что Шульц называет революцией, является по классификации Семенова социально-политической революцией. То, что они характерны только для Нового времени, это не правда, однако ведущую роль они и впрямь стали играть именно в этот период. Именно они стали инструментом межформационного перехода от феодализма к капитализму. От первобытности к палеополитаризму и от палеополитаризма к рабовладению, а также от рабовладения к феодализму переход происходил иным образом. Это заставляет предполагать, что и к посткапиталистической формации переход может происходить отнюдь не обязательно в ходе такой революции. Вопрос о том, называть этот переход революцией в этом случае или нет, сугубо терминологический. Во всяком случае, если он не будет осуществлен теми же методами, это будет уже не социально-политическая революция.

Пожалуй даже больше стоит сказать. Так как подобная революция, это переход власти, а коммунистическое общество, это общество без классов, а значит и без власти, то переход к нему заведомо не может происходить через переход власти. Данный институт — институт угнетения — как пережиток классового общества, в бесклассовом снимается. А значит, необходим метод именно снятия власти, а не ее перехода к кому-то.

Постулаты марксистской теории социализма, по которой низшая стадия коммунизма — этот самый социализм — представляет собой постепенное отмирание государства, а значит и власти — лишь умозрительная конструкция. К указанным выводам можно было придти на основании тех условий, которые были в XIX веке. В XXI веке условия уже иные. Тем более, как уже было сказано, что речь не просто о смене одного классового общества иным, а о переходе к бесклассовому обществу.

Подробнее о том, почему революция является неэффективным методом в деле социального освобождения я говорил в статье о свободе и в этой заметке о революционерах.

Критика околомарксистских революционных концепций дело важное. Слишком уж привлекательной выглядит эта догма для тех, кто не желает искать новых эффективных путей социального освобождения. Однако отрицание марксистского наследия как такового, с пересказыванием измышлений антимарксистов, неуклюжим и безграмотным отрицанием категорий, которые критику не удалось понять, игнорированием современных и передовых

наработок, дело еще более гиблое. К сожалению, именно такое отрицание представляет из себя работа Шульца. Достичь понимания и объективности ему не удалось.